

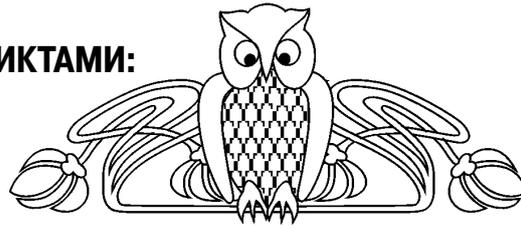

УДК 327.56

УПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНФЛИКТАМИ: СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ЦЕННОСТЕЙ

А. В. Манойло

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования перспективных направлений модернизации теории управления международными конфликтами, основанной на ценностном подходе и культурно-цивилизационной парадигме. В результате сравнительного анализа англосаксонской, романо-германской, восточноазиатской и ближневосточной моделей управления конфликтами установлено, что такая система не является полной и скомпенсированной. Это порождает определенные проблемы в использовании данных моделей в современных миротворческих операциях, что требует модернизации культурно-цивилизационной парадигмы и выдвигает новые требования к российской цивилизационной модели управления международными конфликтами.

Ключевые слова: мировая политика, международные отношения, политические конфликты, управление конфликтами, столкновение цивилизаций, политические технологии, психологические операции.

Management of International Conflicts: Balance of Interests and Values

A. V. Manoylo

The paper presents the results of a study of perspective directions of modernization theory of management of international conflict, based on the value approach and the cultural-civilizational paradigm. A comparative analysis of the Anglo-Saxon, Roman-German, East Asian and Middle Eastern models of conflict management determined that the system is not complete and compensated. This gives rise to some problems in the use of these models in modern peacekeeping operations, which requires upgrading of cultural and civilizational paradigms and new demands to the Russian civilizational model of management of international conflict.

Key words: world politics, international relations, political conflicts, conflict management, clash of civilizations, political technologies, psychological operations.

Современная модернизация политической картины мира, захватившая и Россию, характеризуется тремя основными факторами: множеством конфликтов и огромным разнообразием их форм; высокой скоростью распространения изменений благодаря процессам современной глобализации; нарастающей хаотизацией международных отношений. Несмотря на завершение глобального противостояния, в современном мире общее количество международных и внутривнутриполитических конфликтов продолжает нарастать, возникают их новые формы (конфликты ценностей), мало подверженные стабилизирующему воздействию традиционных инструментов дипломатии; на смену национально-освободительным войнам

против колониализма и неоколониализма приходит новое поколение значительно более опасных межцивилизационных конфликтов¹. При этом международные конфликты становятся точкой пересечения интересов крупнейших мировых акторов – России, США, Китая, ЕС, и одновременно полем соприкосновения, взаимопроникновения и столкновения ценностей крупнейших мировых цивилизаций: христианства, конфуцианства и ислама.

Вместе с тем в эволюции международных конфликтов возникла новая фаза – межцивилизационная. В этой фазе консолидация сил, средств и ресурсов его участников строится по принципу принадлежности к определенной культуре или цивилизации, продвигающей свою систему ценностей, что позволяет объединять и мобилизовывать намного более значительные людские и материальные ресурсы, а статус локальных конфликтов поднимать до уровня межцивилизационного противостояния. Концепция столкновения цивилизаций – это механизм мобилизации ресурсов нового поколения: он превосходит возможности национально-государственной идеологии, способной для участия в конфликте мобилизовать (по национальному признаку) ресурсы одного государства и его политических союзников. В конфликтах нового поколения мобилизация ресурсов идет на транснациональном, ценностном уровне, объединяющем трансграничные и многонациональные массы людей, принадлежащих к общей цивилизационной парадигме или культурной традиции.

Межцивилизационные конфликты в международной практике повсеместно вытесняют традиционные формы конфликтов, построенные на столкновении интересов наций-государств (так называемые институциональные конфликты). Это ведет к тому, что на смену институциональным методам урегулирования конфликтов приходят культурно-цивилизационные модели внешнего управления, основанные на технологиях информационно-психологического воздействия на систему ценностей и мировоззрение конфликтующих сторон. Этих моделей сегодня в мире четыре: англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская.

Англосаксонская модель основана на разрешении конфликтов на базе полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон, точнее, своего оппо-

нента, который должен принять политические нормы и стандарты англосаксонской цивилизации («демократические институты»). Традиционно англосаксы используют при этом как методы силового давления («силовое умиротворение», «гуманитарная интервенция», «борьба с международным терроризмом»), так и методы несилового воздействия («мягкая сила», «бархатная революция», «психологическая война»). Англосаксонская модель базируется на протестантском мировоззрении и этике успешности, полезности конечного результата.

Восточноазиатская модель исходит из цели разрешения конфликтной ситуации в постепенном, длительном встраивании (интеграции) политических систем и ценностей конфликтующих сторон, оппонентов в собственную систему политических отношений (например, тайваньская проблема, «возвращение» Гонконга: «одна страна – две системы»), постепенно растворяя в своей системе национальную идентичность политических систем более слабых участников. Известно исчезновение целых народов, этнических групп в Китае в результате длительной ассимиляции (маньчжуры, динлины – таштыкская культура, и другие «варвары»).

В ближневосточной (исламской) модели процесс разрешения конфликтов основывается на переносе, проекции исторически сложившихся в исламе традиционных механизмов за счет расширения ареала исламского мира и распространения влияния исламских принципов регулирования социально-политических отношений на зоны конфликтов, в том числе идеологии. Деление мира по религиозному принципу возрождает дух религиозных войн, джихада, который включает в себя как мирные средства регулирования международных конфликтов, так и вооруженную борьбу за веру. В шиитской ветви ислама, господствующей в Иране, в целом отсутствуют призывы к джихаду против «неверных».

Романо-германская модель, основанная на своей цивилизационной, политической этике, отягощена стереотипами, набором «общепринятых» или общеобязательных этических представлений, не всегда совпадающих с представлениями других цивилизаций. Поэтому, например, трудны диалоги как французов, так и немцев с китайцами. В этой связи романо-германская модель исходит из того, что процесс разрешения конфликтной ситуации заключается в изменении взглядов его участников преимущественно принятием устоявшихся в этой цивилизации господствующих этических норм и стереотипов. Эта модель психологического воздействия на конфликты не ставит задачу путем прямого вмешательства изменить политические системы его участников, а стремится управлять сознанием политических элит, стоящих у власти в государствах-участниках конфликта, а также сознанием различных слоев местного населения и международной общественности, побуждая их

воспринимать конфликт в соответствии с предлагаемым им образом конфликта, то есть смотреть на конфликт глазами европейского сообщества.

Каждая из мировых культурно-цивилизационных моделей управления конфликтами стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной картиной мира и системой ценностей. Национально-государственные принципы урегулирования конфликтов постепенно уходят в прошлое; общий упадок институциональной системы управления конфликтами подчеркивает кризис ООН как главного института миротворческой деятельности.

Современные международные конфликты, носящие характер столкновения систем ценностей различных мировых цивилизаций, являются «плавильными котлами» существующих доктрин и очагами политической модернизации. Став в результате применения специальных политических технологий управляемыми, такие конфликты становятся инструментами политической модернизации системы международных отношений, эволюция которой может быть направлена в определенное русло. Управляя международными конфликтами, можно управлять политической модернизацией. Для ведущих мировых держав, стремящихся к глобальному лидерству, сегодня выгоднее сделать международный конфликт управляемым и затем использовать его в своих целях, чем способствовать его мирному разрешению. Вот почему идеология ценностного управления конфликтами сегодня активно развивается всеми ведущими мировыми лидерами, а концепции управления международными конфликтами выдвигаются ими на передний план миротворческой деятельности.

Одновременно с доминированием в современных международных конфликтах идеологии межцивилизационного и культурно-ценностного противостояния в миротворческих операциях происходит смена целеполагания: вместо объекта, который надо «склонить» или «принудить» к миру, международные конфликты начинают рассматриваться как объекты внешнего политического управления, не предполагающего их прямого и скорейшего разрешения. Умиротворенный конфликт в современной глобальной политике неинтересен и невыгоден никому (кроме мирного населения): в мирной фазе он не может обеспечить геополитического перевеса в данном регионе ни одной из великих держав. Ценность «мирного разрешения» отходит на второй план и заменяется новыми ценностными ориентирами – «политической необходимостью» и «политической целесообразностью», продвигаемыми западной (в основном англосаксонской) идеологией и политической пропагандой.

Однако смена базовых ценностей и самого характера целеполагания в современных операциях по урегулированию конфликтов ведет к накоплению конфликтного потенциала, стимулирующему

множественности конфликтов, их массовому замораживанию в результате современной «миротворческой» деятельности и прямой опасности срабатывания кумулятивного эффекта – одновременного спонтанного размораживания указанных конфликтов, в перспективе.

Сложившаяся ситуация требует от мирового сообщества не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликты, но и формирования новых парадигм управления ими. Такой парадигмой сегодня становятся концепции и модели управления конфликтами с помощью технологий информационно-психологического воздействия, основанные на культурно-цивилизационных ценностях и традициях. Эти ценности у представителей разных цивилизаций заметно различаются, даже если сравнивать между собой англосаксонские страны (США, Великобританию) и страны романо-германского мира (Западную Европу), принадлежащие одной западной культурной традиции. Поэтому говорить об универсальности ценностей сегодня как минимум преждевременно. Помимо англосаксонской модели управления конфликтами свои культурно-цивилизационные и национально-государственные модели предлагают ведущие страны Западной Европы (Германия, Франция), Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Вьетнам) и Ближнего Востока (исламский мир). Сегодня все данные модели еще находятся в стадии бесконфликтного сосуществования и даже в некоторых случаях дополняют друг друга. Однако этот временно установившийся баланс сил может измениться в любой момент.

Каждая из четырех доминирующих сегодня в мире моделей управления конфликтами (англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская) стремится преобразовать системы ценностей участников конфликта в соответствии с собственной системой ценностей, считающейся представителями этой модели наилучшей и наиболее совершенной. Ни одна из них не предусматривает свободы выбора стороны участников конфликта и принципа состязательности среди самих моделей в борьбе за право разрешить конфликт: везде речь идет исключительно о цивилизаторской миссии и управлении «втемную». Это со временем неизбежно приведет к жесткой конкуренции между моделями и отвлечению внимания от собственно проблемы мирного разрешения конфликтов. На фоне этого соперничества в систему уже существующих мировых моделей управления конфликтами обязательно должен войти новый компонент, предусматривающий для участников конфликтов добровольный выбор между моделями на основе наилучшей альтернативы и соответствующие гарантии реализации права этого выбора. Такой моделью может стать российская цивилизационная модель, поскольку принципы альтернативности близки российской практике разрешения политических конфликтов.

Россия сегодня возвращается в мировую политику в качестве ключевого игрока и как никогда заинтересована в укреплении своих позиций в стратегически значимых регионах земного шара, в которых протекают наиболее опасные международные конфликты. Возвращение России в эти регионы в виде миротворца – вопрос не только экономической целесообразности, но и международного престижа. К тому же Россия имеет обширный и разнообразный опыт миротворческой деятельности на пространстве СНГ, востребованный в современных условиях. Однако помимо опыта ключевым условием успешности России в управлении международными конфликтами является наличие собственной культурно-цивилизационной модели, основанной на национальных технологиях воздействия на системы ценностей конфликтующих сторон. Только выработка собственной модели управления конфликтами позволит России занять достойное место среди уже утвердившихся на этом поле внешнеполитических игроков, каждый из которых в управлении международными конфликтами опирается на собственную ценностную, культурно-цивилизационную парадигму. При этом российская модель должна не дублировать уже существующие западные или восточные аналоги, а предлагать участникам конфликтов достойную и наилучшую альтернативу.

В отличие от ведущих евроатлантических моделей (англосаксонской и романо-германской) российская культурно-цивилизационная модель управления конфликтами рассматривает процесс психологического воздействия на конфликты как процесс цивилизаторской модернизации существующей картины мира. Конфликты в рамках российской концепции воспринимаются не только как цивилизационные разломы и точки столкновения, проявления антагонизма различных цивилизаций, но и как «плавильные котлы» для идеологических концепций, претендующих на управление современным миром; как медиа-повод для залповых выбросов на целевые аудитории и закрепления в их сознании ценностей и установок российской национальной модели, а также внедрения новых форм и практики социального, политического поведения в мировой политике.

Основное отличие от англосаксонской модели состоит в том, что российская модель предлагает собственное ценностное видение мирного разрешения международных конфликтов, выступающее в качестве наилучшей альтернативы в конкретных сложившихся условиях. Она не навязывает собственное мировоззрение и стремится к тому, чтобы участники конфликта сами сделали сознательный выбор в пользу российской модели и ее системы ценностей, добровольно и без принуждения. Такая практика оправдана как в ближней, так и в отдаленной перспективе развития международных отношений: «демократические шаблоны» политического поведения англосаксов, принудительно навязанные

участникам конфликта, нуждаются в постоянной внешней силовой поддержке и перестают действовать, как только этот фактор силы исчезает. Следовательно, их эффект недолговечен и не способен качественно изменить конфликтную ситуацию, а тем более сохранить эти изменения в течение продолжительного времени.

Основное отличие от романо-германской модели состоит в том, что российская модель видит разрешение конфликтов в политической модернизации всей системы международных отношений, как на региональном, так и на глобальном уровне. Напротив, романо-германская модель оперирует

УДК 320:316.346.2

РЕАЛИЗАЦИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА В ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

О. Г. Овчарова

Государственный специализированный институт искусств, Москва
E-mail: ovcharovao@ya.ru

В статье анализируется познавательная ценность биографического метода, реализуемого в гендерных политических исследованиях. Обосновывается вывод о возможности системного изучения социальных и исторических условий, конструирующих/реконструирующих гендерную асимметрию власти при помощи исследования конкретного жизнеописания.

Ключевые слова: биографии/я, биографический метод, гендерная политология, историческая память, альтернативный жизненный опыт.

Realization Biographical Method in Gender Political Science

O. G. Ovcharova

In this article the author considers educational value of the biographical method, implemented in a gender political research. The conclusion about the possibility of studying the social and historical conditions, construct / reconstruct the gender asymmetry of power by investigating the particular life story.

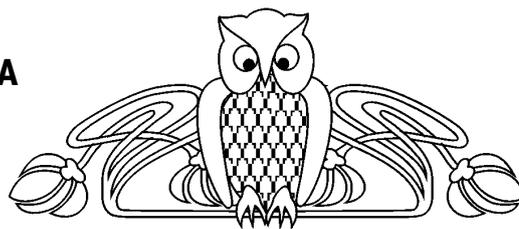
Key words: biography, biographical method, gender political science, historical memory, alternative experience.

В настоящее время биографический метод получает все большее распространение в отечественных политических исследованиях. Так, специалисты в области истории политических учений, в силу специфики предмета своей науки¹ достаточно часто использующие потенциал этого метода, указывают на следующие причины его научной ценности: «...основополагающую роль в истории социально-политических учений России вплоть до XX века, когда политическая наука стала получать более или менее широкое институциональное воплощение, играла личность мыслителя, которая всегда отражалась (и отражается) в его теоретических трудах. Поэтому, наряду с изучением логики познавательного процесса

образом и восприятием конфликта в глазах его участников, ведущих акторов международных отношений и мирового сообщества в целом, добиваясь при этом конкретных результатов, однако не приводящих к революционным процессам политической модернизации системы международных отношений в целом.

Приложения

¹ См.: Кременюк В. А. Современный международный конфликт : проблемы управления // Международные процессы. 2003. Т. 1, № 1.

(филиации идей и т. п.), значительное место в истории социально-политической мысли занимает изучение комплекса факторов, связанных с обстоятельствами жизни и свойствами личности того или иного мыслителя»². Политические психологи, ориентируясь на мнение Г. Лассвела о том, что «политология без биографии подобна таксидермии – науке о набивании чучел», подчеркивают важность исторических и современных трудов в жанре биографий при изучении феномена политического лидерства. «Психобиографические подходы позволяют не только выявить влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и увидеть в отдельном политике проявление определенного типа политической культуры»³. Политические социологи считают результаты исследований политической жизни, полученные с использованием биографического метода, значительными⁴.

Следовательно, можно говорить о том, что популярность применения биографического метода обеспечивается его познавательной спецификой. С одной стороны, политологи в состоянии увидеть личностные черты того или иного политического актора, оказавшего влияние на развитие конкретных политических процессов, а с другой – сквозь призму уникальности личности и жизнедеятельности политика исследователи получают возможность проанализировать социально- и культурно-политический контекст, в пределах которого формировались моральные, политические и деловые качества человека, отражающиеся в его политической практике.

В настоящей статье осуществлена попытка анализа функциональности биографического метода в молодой, но активно развивающейся